

ноября.

Воспоминания очевидца событий о первых днях оккупации города.

К 50-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОГОРОДИЦКА

ВОЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Когда началась война, мы все думали, что это ненадолго, что немец далеко не пройдет. А обстоятельства складывались по-другому. Нашим войскам пришлось отступить. Через два месяца мы с подружками тоже решили пойти на войну — работали мы тогда в колхозе на уборке урожая. Написали заявления и пошли в военкомат. Там было много новобранцев, а таких патриотов, как мы, насчитывалось партии три. И вот из кабинета вышел военный, посмотрел на нас и спросил: «А вы что здесь делаете, красавицы? Парней пришли проводить?». Мы в один голос: «Нет, заявления принесли, хотим на войну». Он улыбнулся и сказал, что скоро поговорит с нами. Вернулся военный через полчаса и пригласил нас всех к себе в кабинет. Мы бочком, стесняясь, протиснулись в его небольшую комнату. Стал он читать наши заявления. Образовались по обе стороны стола две лачки наших заявлений. Военный взял в руки первую стопку и сказал: «Те девушки, кому исполнилось 18 лет, пусть пождут. Мы их вызовем повестками. А для тех, кому еще нет 18 лет, военное поручение — разности повестки новобранцам».

Мне выдали таких бумаг штук пятьдесят. «Ох, когда же я обйду все адреса — надо бегать с одного конца города на другой», —

сокрушалась я. Все повестки я уложила в толстую книгу, для пущей сохранности. Большинству адресатов они скоро были вручены. Осталось обойти несколько домов. И вот я на втором этаже двухэтажного дома. Слышу звуки гармошки. Постучала, но мне никто не ответил. Открываю дверь и попадаю сразу в кухню. Она имела какой-то нежилой вид — ни стола, ни скамеек, ни табуретки. Только в углу стояла разная хозяйственная утварь. Я постучала в другую комнату. Вышла девушка моего возраста и спросила, что мне нужно. Я назвала фамилию новобранца — принесла, мол, ему повестку. Она стояла спиной к двери. Вдруг кто-то попытался выйти из комнаты. Девушка успела сделать мне знак, чтобы я молчала. Оказывается, я попала на свадьбу ее брата Жени. И она не хотела омрачать ему светлые минуты радости известием о повестке. «Кто это?» — поинтересовался Женья. «Это моя подруга», — нашлась сразу его сестра Валя. «Тогда приглашай ее к столу!».

Я, конечно, отнекивалась, но Женья решительно взял меня за руку и повел к гостям, усадив

рядом с сестрой. Валя налила мне лимонного сиропа, наложила закуски. Я, стесняясь чужих, едва держала вилку в руках. А гармошка разливалась, гости пели, плясали.

На улице стемнело, да-льше ходить по адресам было небезопасно, и я направилась в военкомат. Знакомый офицер был на месте. Я подала ему корешки и сказала, что еще не всем повестки вручила — темно, номеров домов не видно. А потом призналась, что одну повестку не отдала сознательно — у человека свадьба, пусть до завтра бумага полежит. Офицер оказался человечным. Он порвал повестку, написал другую и поставил новое число: «Дадим парню погулять еще денечка три, раз такое дело».

Не думали мы тогда, что немцы так скоро будут в Богородицке. 15 ноября 1941 года они были уже на Товарковском бугре. Наши войска отступали по епифанской дороге. На землю уже лег снег. Погода была сыкатная и на душе тоже было пасмурно. После обеда к нам зашел сосед: не думаете, мол, эвакуироваться, у вас в Сталиногорске, кажется, кто-то из родственников живет. У

соседа была лошадь с саними, и он как раз собирался в Сталиногорск, а заодно и нас пригласил в попутчики. Шестнадцатилетний брат сразу отказался: «Я от своих ребят никуда не поеду!». А мы стали укладывать чемоданы. Соседи уселись на сани (у них были дети), а мы следом пешком.

Всю ночь куролесили по полю, а когда выехали на дорогу, то увидели наши отступающие войска. Нам посоветовали свернуть с трассы, так как немцы бьют по ней из пушек. Среди солдат было много раненых, но они не падали духом: «Куда это вы пойдёте? Немец все равно вас догонит. Возвращайтесь, назад — мы скоро вернёмся!».

Нам надо было найти какой-то ночлег. Оказываешься, кружили мы совсем недалеко от деревни. У крайней избы попросились переночевать. Нас пустили. Хозяйка затопила печь, в чугунке вскипятила чай, да еще кружку молока налила и хлеб с солонкой на стол поставила. Замечательный был ужин. Чай был таким вкусным, что мы дули его до седьмого пота. Спали, как убитые. А утром — сильный стук в дверь. Хозяй-

ка загудела: «Кого там еще несет? Сейчас дверь сметут!». Это были немцы «Матка, яйки, сало!». Яйца из кошелки сгребли в каски, во дворе долго ловили кур. Оставшихся хозяйка загнала под загнетку и приказала им «молчать».

К вечеру мы вернулись домой. В Богородицке уже хозяйничали немцы. В нашем доме тоже жили солдаты, мы ютились в маленькой комнате. Старались меньше попадаться на глаза солдатам. Однажды, приоткрыв дверь своей комнаты, увидели, как немцы уселись возле лежанки погреться. А потом вдруг запели. И что же вы думаете? «Славное море — священный Байкал», «Из-за острова на стрежень». Мы заслушались. Они пели хорошо, с подголосками. Мама решила-таки спросить, где же они выучили наши песни? А солдаты в ответ: «Мы не немцы, а мадыяры. А песни выучили, когда жили у вас в Сибири».

Слава Богу, что немцы недолго хозяйничали в Богородицке, правда, бедствий принесли много. Когда наши войска подходили к Богородицку, мы «эвакуировались» в деревню Степановка. Но в «эвакуации» были недолго — всего несколько часов. 15 декабря 1941 года город освободили части Красной Армии.

К. ЮРЬЕВА,
г. Богородицк.